А.С. Колчина, аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: annakolchina@mail.ru

РАДИО СВОБОДА В 50—70-е годы XX века: ПОИСК ФОРМ ПРОПАГАНДЫ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В послевоенные годы в Мюнхене, в зоне американского влияния, собралось около пятидесяти тысяч политических эмигрантов из России. Американская дипломатия, увидев такую концентрацию сил, решило с помощью эмигрантов вести пропаганду на страны социалистического лагеря. В статье показано, как в 1950—1970-е годы через Радио Свобода осуществлялась чуть ли не единственная связь эмигрантов с родиной, со временем вылившаяся в захватывающий диалог между эмиграцией и интеллигенцией в Советском Союзе. Во многом благодаря Радио Свобода сохранилась русская литературная традиция — часто литература в русском зарубежье выживала потому, что была возможность передать ее именно по-русски для заинтересованной аудитории.

Ключевые слова: *Радио Свобода, вещание, эмигранты, пропаганда, литература русского зарубежья.*

In post-war years in Munich, zone of the American influence, was gathered about fifty thousand political emigrants from Russia. American diplomats, which observed such concentration of forces, decided (by means of emigrants) to conduct propaganda on the countries of Socialist camp. In 1950—1970 through Radio Liberty was carried out communication between Russian emigrants and their native land, which further turned in fascinating dialogue between emigration and intelligence in Soviet Union. Russian literary tradition has remained in many respects thanks to Radio Liberty. Often literature in Russian abroad survived because of the possibility to broadcast it in Russian for an interested audience.

Key words: *Radio Liberty, broadcasting, emigrants, propaganda, Russian-language literature abroad.*

У истоков создания Радио Свобода (РС)

РС, до 1959 г. — Радио Освобождение, создавалось как пропагандистское радио, которое занималось не только антикоммунистической пропагандой, но и прямой пропагандой иных, западных, демократических ценностей. В начальных документах, меморандумах, политических установках, которые исходили от американской администрации радио, слово “пропаганда” не скрывалось, а широко использовалось.

Радио Освобождение было запланировано как радио эмигрантское и должно было служить орудием разрушения коммунистической идеологии. В послевоенные годы в Мюнхене, в Баварии, в зоне американского влияния собралось около пятидесяти тысяч

политических эмигрантов из России. Это были люди, не только попавшие туда во время войны, но и эмигранты первой волны, убежавшие от революции, которые присоединились к эмигрантским послевоенным группам для того, чтобы влиять, воздействовать, искать себе союзников и создавать более мощные партии и общественные объединения, которые, естественно, за время войны были ослаблены. Американская дипломатия, увидев такую концентрацию сил, решило ею воспользоваться в своих политических целях. Ее задачей было с помощью эмигрантов, которые хорошо знают страну, у которых в Союзе остались родственники и коллеги, вести пропаганду. Особое место в эмигрантских кругах этого периода занимают историк, член Трудовой народно-социалистической партии Сергей Мельгунов, историк Борис Николаевский и общественный деятель Александр Керенский, входящие в "Лигу борьбы за народную свободу", и члены народно-трудового союза (НТС), в то время — национально-трудового союза.

Представители американской дипломатии и правительства учредили несколько институций, которые занимались пропагандой в странах социалистического лагеря. Работу этих организаций подробно описывает в своих воспоминаниях один из первых сотрудников станции — Джин Сосин[1] [Sosin, 1999].

Прежде всего было создано Радио Свободная Европа в 1949 г. Затем в 1950 г. — Институт по изучению СССР (первоначальное название — Институт по изучению истории и культуры СССР). В 1951 г. в Нью-Йорке была сформирована частная организация, называвшаяся Амкомлиб — Американский Комитет по освобождению народов Советского Союза от большевизма. Рабочим инструментом Амкомлиба должна была стать радиостанция, вещающая на СССР. На очень короткое время, с поздней осени 1952 г. и до лета 1953 г., политическую международную эмиграцию американцам удалось объединить в так называемый Координационный центр антибольшевистской борьбы, созданный 16 октября 1952 г. на конференции в Висбадене (ФРГ) под эгидой Амкомлиба. Центр, председателем которого стал Сергей Мельгунов, открыл в 1953 г. в Мюнхене Радио Освобождение.

Радио Свободная Европа и РС финансировались Конгрессом США через Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и располагались в Мюнхене, действуя независимо друг от друга, пока к середине 1970-х не слились в одну организацию.

---

[1] Джин Сосин поступил в штат радиостанции в 1952 г., за несколько месяцев до того, как передачи начали выходить в эфир. В течение 33 лет Сосин занимал различные ответственные должности в нью-йоркском бюро РС и в штаб-квартире в Мюнхене. В 1999 г. в издательстве Пенсильванского университета вышла книга Джина Сосина "Искры Свободы. Воспоминания ветерана радио".

Первая программа Радио Освобождение (1 марта 1953 г.) начинается с того, что новая радиостанция рассказывает о работе Координационного центра. Советские граждане, настроившись на короткую волну, могли услышать вступительное слово диктора Сергея Дубровского (бывшего московского актера, ушедшего на фронт с театром и разлученного войною со своей семьей): "*Говорит радиостанция Освобождение. Слушайте нас на коротких волнах, в диапазоне 31-го метра... Соотечественники! С давних пор советская власть скрывает от вас самый факт существования эмиграции. Лишь изредка упоминается о ней в печати — и то в связи с каким-нибудь скандальным случаем невозвращенства... Во все остальное время о нас не говорят ни плохого, ни хорошего... Нам хорошо известно, почему Советы не решаются нас даже ругать... это означало бы постоянно напоминать народу о существовании антибольшевистской России, не нашедшей места на Родине, о России, ушедшей в изгнание от нестерпимого гнета, либо насильственно изгнанной...*"[2]. Далее в передаче опровергались определения эмиграции, которая, согласно советской пропаганде, была сборищем "*белобандитов, реакционеров, реставраторов и наемников англо-американского империализма*" [ibid.]. И также отмечалось, что одним из самых больших преступных деяний советской власти было насилие над творческой деятельностью народа, над культурой страны: "*Великая некогда русская литература, музыка, живопись, наука — все формы проявления русского гения — поставлены на службу антинародной власти и задавлены чугунным прессом партийной политики. Культурные ценности, накапливавшиеся веками, беспощадно уничтожаются, еще более беспощадно истребляются живые носители культуры...*" [ibid.]. В день смерти Сталина, 5 марта 1953 г., сотрудники РС делают опрос среди эмигрантов, которые не скрывают своей радости в связи со случившимся.

К августу 1953 г. Координационный центр антибольшевистской борьбы прекратил свое существование. Основная причина — внутренние конфликты в центре. С одной стороны, спор был между представителями разных национальностей с русскими, а с другой стороны — возникала масса споров внутри русской части этого политического объединения. Координационный центр хотел вести революционную пропаганду на волнах Освобождения. Американская администрация настаивала на том, чтобы вещание радио было народной дипломатией — нельзя свергать режим, нельзя навязывать свою политическую систему и государственное устройство,

[2] Аудиоархив РС в Праге, 1953 г. Программа: Координационный центр антибольшевистской борьбы: обращение к советскому народу. Диск: RA-1/2. Порядковый № 53/03/01.

цель — нести советскому народу западные ценности и способствовать самостоятельному мышлению слушателей. С подходом Центра американское правительство согласиться не могло, и Центр самораспустился, но эмигрантов оставили как сотрудников радио. Разъединению, возможно, способствовала и советская разведка. Отметим, что члены НТС были практически изгнаны с радио. С 1955 г. человек, состоявший в союзе, не мог быть сотрудником Освобождения. НТС считался влиятельной, но при этом сомнительной политической силой. Сомнительной по двум причинам: во-первых, потому что союз сотрудничал с гитлеровцами во время войны (сотрудничество с Гитлером объяснялось и оправдывалось тем, что благодаря ему энтээсовцы проникали в Россию и распространяли там свою пропаганду, вербовали союзников), во-вторых, НТС был инфильтрован советскими агентами[3].

Важно понимать, что радио было создано для борьбы с коммунизмом, а не с народом и не с людьми. В американской пропаганде, которая велась через Радио Освобождение и затем через РС было понятие "тайного друга"[4]. Все передачи должны были строиться так, чтобы привлечь слушателя. Они никогда не были антинародными, никогда не были русофобскими и никогда не были направлены против населения. Руководство радио заботилось о том, чтобы в эфире не ругали советскую власть, чтобы у слушателя не было ни в коем случае озлобления. Советского чиновника нельзя было назвать преступником, можно было говорить о преступлениях советского правительства, о том, что конкретный шаг антинародный, можно говорить о том, что совершено убийство кого-то из оппозиционеров, но нельзя персонифицировать зло.

В свою очередь советская власть при помощи своих пропагандистов формировала определенный образ РС в глазах советского обывателя. Одними из самых заметных книг того периода были книги Н.Н. Яковлева "ЦРУ против СССР" [Яковлев, 1979] и А.Ф. Панфилова «За кулисами "Радио Свобода"» [Панфилов, 1974]. А.Ф. Панфилов писал: "Доктрине освобождения был придан характер официальной правительственной внешнеполитической программы" [Панфилов, 1974, с. 18]. Так автор обосновывает появление в названии радиостанции слова "Свобода". «Такие станции, как "Свобода", — продолжает он, — стремятся вызвать "эрозию" изнутри, разрушить единство...». Он утверждает, что американская разведка пыталась представить дело таким образом, что идея создания организации принадлежит так называемой "эмиграции из Советского

[3] Из интервью автора статьи с историком, сотрудником радио Владимиром Тольцем.

[4] Из интервью автора статьи с сотрудником радио Иваном Толстым, автором исторического цикла "Полвека в эфире", посвященного 50-летию РС.

Союза", "главным стержнем которой становились предатели, на чьих руках еще не были отмыты следы крови соотечественников" [там же, с. 40]. В историческом цикле "Полвека в эфире", подготовленном писателем и сотрудником радиостанции Иваном Толстым к 50-летию РС, мы находим следующее свидетельство об отношении к Радио Свобода в СССР. Иван Толстой: «О том, как относились в Москве к выступлениям Радио Свобода и в целом к деятельности эмигрантов, говорит уголовная хроника той поры. Формально деятельность советской контрразведки (СМЕРШ) к началу 50-х годов уже закончилась, но поставленная Лубянкой задача — выявить и отомстить неугодным — отменена вовсе не была. Десятки явных и неявных советских агентов были внедрены во всевозможные послевоенные эмигрантские организации, комитеты, редакции и союзы. Советская пропаганда клеймила сотрудников радиостанции "Освобождение" (а потом и РС), как гитлеровских преступников. Это ложь: военных преступников у нашего микрофона не было. Да, на нашем радио работали перемещенные лица, те, кто попал в германский плен. Но у всех этих людей их "преступление" заключалось в том, что они не вернулись в Советский Союз, в том, что отлично понимали, какая судьба ждет их на родине... Вот советские агенты, некоторые весьма ловкие, на Свободу проникали»[5].

Но никакая пропаганда не может базироваться только на лжи. Она всегда базируется на полуправде. Советские пропагандисты используют в своих работах в качестве официальных документов давно опровергнутые якобы созданные американскими политиками документы, направленные на подрыв Союза. В Америке эти документы были признаны подделками, а создали их в МГБ и КГБ во время холодной войны[6]. Пропагандисты эту информацию не учитывают. Стержнем советской политики было стремление предотвратить идеологическое воздействие иностранного опыта, идей, образа жизни на целомудренно коммунистическое сознание советского народа. Среди аудитории радио в СССР были такие, кто следил за западными радиопередачами особо внимательно и регулярно, причем по распечаткам дайджеста западных радиопередач. Стоит также отметить, что "возвращение изъятой радиоаппаратуры после войны владельцам, а главное — завоз радиоприемников из-за рубежа в качестве трофеев, привели к тому, что, по оценкам ЦК КПСС, уже к 1950 г. количество аппаратов, позволяющих слушать иностранные радиопередачи, увеличилось в СССР

[5] Цитируется по аудиоматериалу, подготовленному И. Толстым для исторического цикла "Полвека в эфире", посвященного 50-летию РС. URL: http://archive.svoboda.org

[6] Из интервью автора статьи с сотрудником радио Иваном Толстым, автором исторического цикла "Полвека в эфире", посвященного 50-летию РС.

до 500 тысяч. Такие данные в своем докладе "Иностранное радиовещание на Советский Союз. Взгляд из Кремля (1945—1960 гг.)", прочитанном на Астафьевских чтениях в ноябре 2008 г., приводит историк сотрудник радиостанции Владимир Тольц. Разумеется, почти каждый приемник — это возможность услышать западное радио сразу нескольким слушателям.

1 июля 1959 г. название Радио Освобождение трансформировалось в Радио Свобода. Если название Радио Освобождение было следствием концепции освобождения народов Советского Союза от коммунизма, то теперь надо было давать такую информацию, чтобы слушатели могли самостоятельно определять свое мировоззрение. "То есть свобода — есть ценность, а освобождение — это вектор"[7].

Чрезвычайно важно обратиться к проблеме самосознания русской творческой эмиграции, без понимания которой невозможно точно оценить значение РС в жизни эмигрантов и вклад его в русскую культуру.

Проблема самосознания первой и второй волн русской творческой эмиграции

Эмиграция из России в начале XX в. как следствие Первой мировой войны, революций, Гражданской войны представляла собой особое явление по масштабам и по разнородности состава. Для российской эмиграции первой волны было присуще противодействие процессам ассимиляции в инонациональной среде. На уровне обыденного национального сознания это проявлялось в стремлении эмигрантов создать за границей малую Россию со своим образом жизни и родным языком. На уровне теоретического национального сознания указанная тенденция выразилась в обращении мыслителей эмиграции (писателей, философов, богословов) к проблеме русской национальной идеи, оказавшейся тем стержнем, который позволил культуре, созданной российской эмиграцией в 1920—1930-е гг., обрести статус культуры национальной. Тот факт, что писатели-эмигранты продолжали творить на родном языке, обусловлено в первую очередь национальным самосознанием.

В архиве радиостанции сохранилась целая панорама голосов эмигрантов первой волны, среди них голоса известных литературных критиков, композиторов, художников, изобретателей. Многие из них участвовали в программах прозаика, поэта, сотрудника нью-йоркского отделения РС (в 1953—1881 гг.) Владимира Юрасова. В 1957 г. в программе "Голоса эмигрантов первой волны" прини-

[7] Там же.

мает участие писатель Борис Зайцев, регулярно выступавший на РС как "старейший русский писатель из Парижа": "*Что может быть более нелепого, чем то, что какой-то партийный сановник, все равно какой, вдруг начинает объяснять советским писателям, как и что следует писать? Это в свое время объяснял Жданов, теперь поручили Шепилову. Но вот прошло без малого 40 лет коммунистического режима, и ни одного чисто марксистского гения не появилось. Если есть хорошие писатели, то они плохие марксисты, а если хорошие марксисты, то плохие писатели. И это потому, что между марксизмом и литературой ничего общего нет...*"[8]. Известно, что деятели "первой волны" эмиграции восприняли как заповедь известные слова, принадлежавшие Нине Берберовой, но часто приписываемые кругу Мережковского и Гиппиус: "Я не в изгнаньи, я — в посланьи". Их целью являлось сохранение русской культуры, продолжение и развитие традиций классической русской литературы — вопреки формированию литературы новой, советской. В речи "Миссия русской эмиграции", произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г., И. Бунин говорил: "Мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину... Поистине действуем мы от имени России подъяремной, страждущей, но все же не до конца покоренной".

Вторая волна эмиграции, порожденная Второй мировой войной, не была такой массовой, как эмиграция из большевистской России. Со второй волной СССР покидают военнопленные, перемещенные лица — граждане, угнанные немцами на работы в Германию. Большинство эмигрантов второй волны селились в Германии, преимущественно в Баварии и ее столице Мюнхене. Самыми распространенными темами в творчестве писателей второй волны становятся лишения войны, плен, ужасы большевистского террора.

В 1925 г. в анкете пражского журнала "Своими путями" Марина Цветаева писала: "Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови... Лирикам же, эпикам и сказочникам, самой природой творчества своего дальнозорким, лучше видеть Россию издалека — всю — от князя Игоря до Ленина, — чем кипящей в сомнительном и слепящем котле настоящего. Кроме того, писателю там лучше, где ему меньше все мешают писать (дышать)" [Вайль, 2007, с. 326].

[8] Цитируется по аудиоматериалу, подготовленному И. Толстым для исторического цикла "Полвека в эфире", посвященного 50-летию РС. URL: http://archive.svoboda.org

В этих строчках у Марины Цветаевой выражено общеэмигрантское сознание. Но кроме необходимости свободы самовыражения эмиграции были нужны связь с родиной и отклик соотечественников.

Эфир РС в 1950—1970-е годы

РС позволило эмигрантам самореализоваться и в течение многих лет транслировало иную философию жизни советским гражданам, находившимся в закрытой стране. Через РС с середины 1950-х гг. осуществлялась чуть ли не единственная связь эмигрантов с родиной, со временем вылившаяся в захватывающий диалог между эмиграцией и интеллигенцией в Советском Союзе.

Во многом благодаря РС сохранилась русская литературная традиция. Очень часто литература в русском зарубежье выживала потому, что была возможность передать ее именно по-русски для заинтересованной аудитории. Поэтому РС фактически стимулировало литературную жизнь русской эмиграции, предоставляя свой микрофон десяткам писателей, находившихся в изгнании. В 50—70-е гг. в Мюнхене, Нью-Йорке, Париже, Лондоне и Риме на РС записывались классики русского Зарубежья: Абдурахман Авторханов, Александр Бахрах, Борис Зайцев, Гайто Газданов, Георгий Адамович, Аркадий Белинков, Леонид Владимиров, Владимир Вейдле, Роман Гуль, Михаил Демин, Анатолий Кузнецов, Михаил Мондич, Владимир Юрасов, Александра Толстая и другие авторы. В 1959-м на РС была введена постоянная рубрика о литературном наследии писателей русского Зарубежья. На роль обозревателя литературы изгнания был приглашен парижский поэт и критик Георгий Адамович.

Передачи РС отражали такие важнейшие события русской культурной жизни, свидетелями которых большинство слушателей страны стать не могло. РС впервые знакомила советских слушателей с литературой русского зарубежья, накопившейся за несколько десятилетий и не публикуемой в Союзе. Радио стало в своем роде тамиздатом[9], т.е. как и тамиздат РС, с одной стороны, давало возможность писателям-современникам свободно, без цензурных искажений транслировать свои произведения за рубежом, а с другой — возвращать российскому читателю наследие Серебряного века и литературы 1920—1930-х гг., преодолевать забвение, на которое советская идеология обрекла многие яркие имена и тексты. В 1950-е гг. советская власть сама делала подарок любой западной пропаганде, любой антикоммунистической деятельности, запрещая все подряд. Поэтому читать по радио любые книги, рассказы-

[9] Из интервью автора статьи с сотрудником радио Иваном Толстым, автором исторического цикла “Полвека в эфире”, посвященного 50-летию РС.

вать в эфире любую историю в более или менее отчетливых подробностях — все это было неизвестно, недоступно и интересно слушателям. С началом "оттепели" начали рассказывать как бы полуправду — цифры скрывались, глубина проблем делалась более мелкой.

Почему столько писателей концентрировались именно на РС? Стоит отметить, что РС изначально сложилось как писательское радио. У поступавших на работу была возможность примкнуть к писателям добровольно: в 1950-е гг. при приеме на радио все служащие заполняли американскую анкету, где вакансий было две — "technician" и "writer" [Толстой, 2003, с. 1]. Кроме того, радио имело отличную от других иностранных радиостанций концепцию. На РС не было ведущего языка — например, английского, с которого национальные службы делали бы свои переводы, в отличие от "Голоса Америки" или Би-би-си, где для всех преподносится единая информация. Ни одна из радиостанций не посвящала полного внимания той стране, на которую проходило вещание, за исключением РС. Только РС было полностью настроено на советского слушателя. Помимо русского языка, на котором происходило вещание, у РС сложилась своя тематика — историческая и литературная.

В 1954 г. радио работало уже круглые сутки, передачи транслировались беспрерывно, разнообразились темы и жанры, требовались опытные и образованные литераторы. Джин Сосин в своей книге воспоминаний пишет, что «политический советник Освобождения Борис Шуб был озадачен поиском новых сотрудников. В Париже Борис Шуб сделал предложение эмигранту первой волны Владимиру Вейдле — искусствоведу, поэту и критику, тонкому знатоку европейского искусства. Вейдле согласился — и через короткое время был назначен директором тематических программ. Также из Парижа в Мюнхен приехал прозаик Гайто Газданов, автор романов "Вечер у Клэр" и "Ночные дороги". Во время поездки в Лондон Шуб привлек к работе на радио Виктора Франка, сына знаменитого философа... Виктор Франк принял на себя в Мюнхене руководство отделом новостей. Позже он вернулся в Англию и основал лондонское бюро РС, где предстояло побывать многим известным авторам». Ярким журналистом, приехавшим из Лондона по просьбе Шуба, был князь Валериан Оболенский, позднее ставший одним из руководителей нью-йоркского бюро.

Одним из первых авторов РС была Александра Львовна Толстая, прозаик, публицист, младшая дочь Льва Толстого. В СССР Толстую арестовывали пять раз, она была и в одном из первых советских концлагерей — в застенках Новоспасского монастыря в Москве. В 1929 г. она уехала из России. Через десять лет в Нью-Йорке основала благотворительный Толстовский фонд, ставивший себе

в качестве самых первых задач помощь советским солдатам, попавшим в плен в Финскую войну. В Союзе оценили деятельность эмигрантки: ее вырезали с семейных фотографий, замалчивали на экскурсиях в Ясной Поляне, вымарывали из биографий писателя.

Почти двадцать лет вещания РС прошли на фоне увеличения потока информации, налаживания все больших связей с Союзом, нарастающего потока самиздата. Но притока новых людей не было. Было знание, было понимание, приходили книги, но новые сотрудники почти не появлялись... Были отдельные перебежчики, вокруг которых организовывались целые информационные миры.

Сбежала из СССР дочь Сталина Светлана Аллилуева. В 1967 г. целый мир возник вокруг этой женщины: чтение книг, масса информации, антисталинские передачи. Если уж говорить о книгах этого года, вряд ли что могло по сенсационности сравниться с выпущенной ею книгой "Двадцать писем к другу"[10]. Книга, написанная в форме писем к неизвестному другу, повествует о детстве и юношеских годах, прожитых в семье диктатора. Аллилуева рассказывает о своих родных и друзьях и о людях, которые были близки к семейному кругу Сталина. В эфире РС письма Аллилуевой читала превосходный диктор Галина Рудник. Уже в 1969 г. Светлана Аллилуева сама читает у микрофона РС начало новых воспоминаний — "Только один год".

В 1968 г. во время поездки в Чехословакию перебежал на Запад прозаик и литературовед, бывший заключенный сталинских лагерей Аркадий Белинков. Студентом Литературного института он был приговорен за свою дипломную работу к расстрелу. Отсидел 13 лет. Вышел, написал и напечатал книгу о Юрии Тынянове, имевшую грандиозный общественно-литературный успех. Несколько лет пробивал в издательстве вторую книгу — о Юрии Олеше. Когда стало окончательно ясно, что издать ее в СССР не удастся никогда, бежал на Запад. Здесь Белинков преподавал в Йельском университете, до 1970-го регулярно сотрудничал с РС, готовил к изданию свои рукописи.

Затем, в 1969 г., перебежал Анатолий Кузнецов, автор "Бабьего Яра". Кузнецов сотрудничал с РС до 1979 г. В 1969 г. в Париже попросил политическое убежище и другой писатель — Михаил Демин. Настоящее имя Михаила Демина — Георгий Евгеньевич Трифонов, он двоюродный брат писателя Юрия Трифонова.

Именно эти люди (Толстая, Аллилуева, Белинков, Кузнецов, Демин) создавали социокультурную линию на радио. Как правило, они выступали только у микрофона РС. В том числе в эфире

[10] Аудиоархив РС в Праге, 1967 год. Первая передача — чтение письма-предисловия. Специальная передача "Двадцать писем к другу" № 1. Диск: RA 72/5. Порядковый номер: 67/08/27-28.

читались книги Александра Солженицына, Михаила Зощенко, Ивана Шмелева. Свои произведения читали Гайто Газданов, Владимир Вейдле, Георгий Адамович и другие авторы. В начале 1970-х гг. на волнах РС звучит книга "Воспоминания" Надежды Мандельштам[11].

Конечно, о радио как правозащитном глашатае в этот период говорить рано. РС разоблачало советскую действительность с помощью разнообразных книг и документов. Но прежде всего с помощью правдиво рассказанных историй, например освещение дела Андрея Синявского и Юлия Даниэля, суда над Иосифом Бродским. В 1970-е гг. возникли целые программы, посвященные таким процессам и документам. Радио стимулировало появление правозащитных документов из Союза на Западе. Архив радио рос, документы собирались, копировались и рассылались по разным западным университетам.

В 1967 г. РС в преддверии Четвертого съезда писателей в Москве обращается к статье Синявского "Что такое социалистический реализм?", за которую ее автор уже отбывает срок. Диктор: «*Статья впервые была напечатана во французском журнале "Эспри" в феврале 1959 года. Затем, тогда же, в русском зарубежном альманахе "Мосты", во втором номере, она была напечатана в обратном переводе с французского. Тогда она считалась анонимной. Потом выяснилось, что автор ее — Синявский, который был осужден в Москве вместе с другим советским писателем Даниэлем на длительное заключение за опубликование своих произведений за границей... Выдержки из нее мы передаем... Самое точное определение социалистического реализма дано в Уставе Союза советских писателей. Вот оно: "Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художников правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма". Такова, в нескольких словах, общая схема нашего искусства. Схема удивительно простая и в то же время достаточно гибкая, чтобы в нее можно было бы ввести Горького, Маяковского, Фадеева, Арагона, Эренбурга и сотни других, больших и малых социалистических реалистов. Но мы ничего не поймем в этой сухой формуле, если не попытаемся проникнуть в ее скрытый, глубокий смысл. В основе этой формулы лежит идея цели, всеохватывающего идеала, к которому стремится действительность. Эта цель — коммунизм. Поэт не просто пишет стихи, он помогает своими*

[11] Аудиоархив РС в Праге, 1971 год. Программа: Неизданные произведения советских авторов. "Воспоминания" Надежды Яковлевны Мандельштам. Диск: RA-326/8. Порядковый номер: 71/01/03-04a.

стихами строить коммунизм»[12]. Андрей Синявский уже через много лет написал роман о своем аресте “Спокойной ночи” и сам читал его на РС в 1985 г.

Сотрудники радио одними из первых сообщили о выходе романа “Доктора Живаго” в 1957 г. в итальянском издательстве “Фельтринелли”. Вел программу комментатор из Мюнхена, эмигрант первой волны Владимир Вейдле: «*Я собирался продолжить сегодня мои размышления о понятиях идеология, философия, мировоззрение, религия. Но случилось нечто... Вышел роман Пастернака “Доктор Живаго”. Толстая книга, больше чем в 600 страниц. Я выписал ее из Италии, стал читать и уже не смог больше ни оторваться от нее, ни думать о чем-либо другом... Итальянский перевод добросовестен и в меру возможного точен. Вчитываясь в него, сплошь и рядом угадываешь русскую фразу, русский склад речи... Читая “Доктора Живаго”, я не знал, чем больше восхищаться: глубокой человечностью всего повествования, где люди не делятся на белых и черных, где не абстрактные формулы судят жизнь, а жизнь осуждает все формулы и все абстракции; или же угадываемой сквозь перевод силой и точностью языка...*»[13]. Следующая передача о Пастернаке выходит в 1958 г. и посвящена присуждению Пастернаку Нобелевской премии.

В 1967 г. в эфире радио зачитывается письмо А.И. Солженицына писательскому съезду, где автор пишет: «*Незаконная, нигде публично не называемая цензура под затуманенным именем “Главлита” тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно неграмотных людей над писателями... А между тем сами цензурные ярлыки (“идеологически вредный”, “порочный” и т.д.) недолговечны, текучи, меняются на наших глазах. Даже Достоевского, гордость мировой литературы, у нас одно время не печатали (не полностью печатают и сейчас), исключали из школьных программ, делали недоступным для чтения, поносили. Сколько лет считался “контрреволюционным” Есенин (и за книги его даже давались тюремные сроки)?.. Десятилетиями считались “антисоветскими” неувядаемые стихи Ахматовой. Первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой десять лет назад было объявлено “грубой политической ошибкой”. Лишь с опозданием в 20 и 30 лет нам возвратили Бунина, Булгакова, Платонова, неотвратимо стоят в череду Мандельштам, Волошин, Гумилев, Клюев, не избежать когда-то признать и Замятина и Ремизова. Тут есть разрешающий момент —*

[12] Аудиоархив РС в Праге, 1967 год. Специальная передача. Фрагменты статьи Андрея Синявского “Что такое социалистический реализм?”. Диск: 54/1. Порядковый номер: 67/01/13-14.

[13] Аудиоархив РС в Праге, 1957 год. Программа: Из области мысли. “Вне очереди: о книге Пастернака”: впечатления от только что прочитанной по-итальянски книги Б. Пастернака “Доктор Живаго”. Диск: RA-12/2. Порядковый номер: 57/12/19-20b.

смерть неугодного писателя, после которой, вскоре или не вскоре, его возвращают нам, сопровождая "объяснением ошибок"... Я спокоен, конечно, что свою писательскую задачу я выполню при всех обстоятельствах, а из могилы — еще успешнее и неоспоримее, чем живой»[14]. В 1970 г. РС готовит передачи о награждении Солженицына Нобелевской премией.

В начале 1970-х гг. становится известно о финансировании РС ЦРУ. На радио приходят новые сотрудники, прибывшие с третьей волной эмиграции. Меняются основные каноны радио.

Встретившись на Западе, русские эмигранты разных поколений обнаружили, что говорят на разных языках — едва ли не в прямом смысле. Нередко это были не только мировоззренческие, но и чисто эстетические, вкусовые расхождения. Эмигрантов третьей волны русская диаспора изначально встретила настороженно и почти враждебно: слишком велики были ментальные и поколенческие различия, слишком чужими казались вчерашние "советские". Касаясь драмы отъезда, расставания с отечеством, важно подчеркнуть, что большинство эмигрантов "третьей волны" прежде никогда не были за рубежом (или смогли побывать только в социалистических странах); что в Германию, Францию или США они отправлялись *навсегда*, теряя гражданство и лишаясь возможности когда-либо увидеться с близкими. В этом отношении разрыв с родиной был для них даже более тяжелым, чем для первой, послереволюционной эмиграции: у тех хотя бы была надежда, что режим большевиков скоро рухнет. В материальном отношении эмигранты "третьей волны" были к пересадке на чужую почву совершенно не подготовлены, не имели в Советской России никакого "состояния", движимого или недвижимого имущества, которое могло бы помочь им в первое время после пересечения границы. Так же как послереволюционным и послевоенным эмигрантам, многим из них пришлось расстаться с профессией и биться за выживание. Однако с их приходом начинается новый период в развитии радио.

Сегодня мы наблюдаем трансформацию культуры в массовую культуру, и это, естественно, отражается на радиовещании. Если раньше радио было источником информации, то теперь оно по большей части меняет свою направленность и превращается в фоновое развлечение. В настоящее время РС остается одной из немногих общественно-политических радиостанций, не пропагандирующих курс современного российского истеблишмента и незаинтересованных в развлекательном вещании, в каком-то смысле выполняя в российском информационном пространстве функцию

[14] Аудиоархив РС в Праге, 1976 год. Программа: Актуальные международные проблемы. Письмо А. Солженицына IV съезду сов. писателей и др. темы. Диск: RA-80/3. Порядковый номер: 67/09/25-26c.

общественного радио без рекламы. Именно поэтому РС занимает уникальное место в современном информационном пространстве России.

Список литературы

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М.: Книга, 1990.

Аудиоархив Радио Свобода в штаб-квартире в Праге (1953—1973 годы).

Бережкова С.Б. Радио Свобода в системе международного радиовещания на русском языке (1988—1994): Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Факультет журналистики, 1995.

Бережкова С.Б. Искры Свободы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1999. № 6.

Вайль П. Стихи про меня. М.: Колибри, 2007.

Мандельштам Н. Воспоминания: В 2 т. М.: Вагриус, 2006.

Панфилов А.Ф. За кулисами "Радио Свобода". М.: Международные отношения, 1974.

Прага: русский взгляд. М.: ВГБИЛ, 2003.

Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: В 4 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.

Скарлыгина Е.Ю. Неподцензурная культура 1960—1980-х годов и "третья волна" русской эмиграции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Скарлыгина Е.Ю. В зеркале трех эмиграций // Новое литературное обозрение. 2008. № 93.

Сосин Д. Искры Свободы. Воспоминания ветерана радио / Пер. с англ. О. Поленовой, И. Толстого. Copyright 2004 и 2008. URL: ftp://realaudio.rferl.org/ru/sosin.pdf

Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: ИМКА-Пресс, 1984.

Телерадиоэфир: история и современность. М.: Элиткомстар, 2008.

Толстой И. Писатели у микрофона. Каталог выставки. Прага: Славянская библиотека, 2003.

Толстой И. "Полвека в эфире" — исторический цикл, посвященный 50-летию "Радио Свобода". http://archive.svoboda.org

Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. "Если чудо вообще возможно за границей...". М.: Библиотека-фонд "Русское зарубежье", 2008.

Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Молодая гвардия, 1979.

Alexeyeva L. U.S. Broadcasting to the Soviet Union. N.Y., 1986.

Hayward M. Writers in Russia 1917—1978. N.Y., 1983.

Lissan M. Broadcasting to the Soviet Union: International Politics and Radio. N.Y., 1975.

Mickelson S. America's Other Voice: The Story of Radio Free Europe and Radio Liberty. N.Y., 1983.

Sosin D. Sparks of Liberty. An Insider's Memoir of Radio Liberty. Pennsylvania State University, 1999.

Поступила в редакцию
25.12.2009